

Пока я говорила, А-Хуань смотрела на меня так, будто новую игрушку нашла. Взгляд её разгорался, а на губах появлялась странная улыбка. Меня эта улыбка насторожила. Я с подозрением на неё посмотрела, потянувшись потрогать лоб — точно, жара нет.

Она мою руку отмахнула, оскалилась и немного подвинулась. На только что вытертом лице снова выступил пот. На это больно было смотреть. Я поднялась, поддерживая её:

— Ранена — лежи смирно. Что дёргаешься? Как я тебя одну оставлю в таком виде?

Она устроилась поудобнее, снова лёжа на животе, подперев лицо локтями.

— Тайпин.

— А?

Позвала снова.

— Больно? Я ещё чего-нибудь смешного расскажу...

Она перебила:

— Тайпин, не надо мне смешного. Никакой Дугу Шао, никаких братьев-сестёр. Я тебя хочу. Если правда отвлечь меня желаешь — дай мне тебя взять.

Я чуть не подумала, что ослышалась:

— А... А-Хуань, ч-что ты сказала? — Слуги за окном ещё на посту! Затевать такое сейчас — да чтоб никто не узнал? Да и А-Хуань только что побили.

Она бровь приподняла:

— Не знаю почему, но сегодня я непременно тебя возьму. — И, не дожидаясь ответа, потянувшись ко мне, проводя рукой по ноге.

Я заикаюсь:

— Надолго же... Раны не побеспокоят?

— Садись на кровать, ко мне. Под одеялом всё сделаем. Если за четверть часа не выйдет — за полчаса, за полчаса не выйдет — за три четверти, за три четверти не выйдет — за час. Как-нибудь да выйдет.

Я всё ещё сомневалась, а она медленно провела рукой по моему бедру, глядя на меня снизу вверх, склонив голову:

— Возьму я тебя сегодня — и что бы потом между нами ни было, я всё равно буду той, что принцессу имела.

Эти последние слова меня пронзили. В глазах, в носу, в сердце — всё заныло, лишь щёки горели. Я нерешительно взобралась на кровать и юркнула под шёлковое покрывало.

Она с трудом ко мне пододвинулась. Каждое движение сопровождалось сдавленным стоном. Холодный пот катился градом, пропитывая мои шёлковые штаны. Я слегка приподняла покрывало, чтобы оно её не задевало, и в тревоге глянула на окно. Щель была тонкая —

разглядеть что-либо можно, лишь специально пригнувшись. К счастью, прислуга стояла в нескольких шагах, и, если бы кто подошёл, я б услышала приветствия.

Я чувствовала, как А-Хуань под покрывалом стаскивает с меня штаны. Движения её были медленными: сдвинет немного — остановится. Всё лицо моё пылало. Я сунула руку под одеяло и сама спустила нижнюю одежду до колен, позволив А-Хуань устраиваться между моих бёдер. Подогнула ноги, упираясь в покрывало, и откинулась назад, глядя на А-Хуань поверх одеяла.

Она оказалась между моих ног и смотрела на сокровенное место с сосредоточенностью знатока, оценивающего драгоценность. Медленно водила пальцами по внутренней стороне бедра.

Я была и напряжена, и напугана, и вынуждена была терпеть. А это терпение лишь подстёгивало смутное волнение. Взгляд то и дело метнусь к окну — как бы кто не прошёл. Но А-Хуань ни на что не отвлекалась, лишь повторяла за мной утренние уроки.

Одежда быстро прилипла к телу от пота. Дыхание становилось тяжелее. Чувствовала я себя словно утлая лодчонка, что носится по безбрежному морю. А А-Хуань — будто гребца с той лодки наняли наскоро, без обучения, и правит она на ощупь.

Волна за волной накатывали на меня. Лодчонку швыряло, переворачивало, кидало о борт. Ещё и сил не иссякло — как вдруг девятый вал обрушился, пронзив насквозь. Будто молния ударила — и вмиг палуба треснула, борта разлетелись, а лодка рассыпалась на щепки, исчезнув в пучине.

Внизу вспыхнула острая боль — крохотный укол, и прошла. Боль тут же расплылась, превратившись в тупую, тягучую. Всё тело напряглось, но неприятно не было — напротив, желание вспыхнуло с новой силой. Руки сами вцепились в край покрывало. Я прикусила губу:

— Чего остановилась?

А-Хуань всё это время затаив дыхание держала, а теперь тяжело выдохнула, обмякла, повалившись на постель, и, подняв руку, улыбнулась:

— Получилось. — И тут же ажкнула, ухватившись за мои бёдра, склонив голову и прошепав:

— Больно.

Я позабыла о своём неутолённом желании, поспешно убрала ноги из-под одеяла и наклонилась к ней. Вся она расслабленно раскинулась, лицо уткнув в сгиб локтя, и лишь правая рука хоть чуть от постели отрывалась.

Она подняла лицо, упёршись подбородком в левую руку, и улыбнулась мне. Улыбаясь, приложила палец с алой каплей к кровавому пятнышку на простыне, вытерла палец о ткань, велела мне нож подать, вырезала весь этот кусок, приложила к груди, под самое сердце, и мягко опустилась на постель, прижав правую щеку к прорехе на простыне. На левой щеке проступила бледная, слабая ямочка.

— Теперь ты моя. — Прошептала она, густые ресницы дрогнули, глаза закрылись, и она уснула с улыбкой.

Я надела одежду, спустилась с кровати, укрыла её покрывалом и вышла.

У двери обернулась, взглянула на неё. Пройдя мимо окна, украдкой заглянула ещё раз. Спала она крепко, и на лице так и играла улыбка — будто боль в снах растаяла.

Долго стояла у окна, глядя на неё. И смеяться хотелось, и плакать. В конце концов лишь вздохнула и наказала приставленным к ней четырём служанкам:

— Хорошо за ней ухаживайте. Если чего потребуется — не спрашивая, берите из кладовых. Расходы — без ограничений.

Те кивнули. На этот раз все вели себя смирно. Проводив меня, спокойно вернулись в комнату и принялись за А-Хуань.

Ещё несколько раз оглянулась издали, потом побрела в главный зал и распорядилась Сун Фою:

— Всем, кого побили, выдай по пятьдесят штук шёлка в награду. Лекарства — из моих запасов, без ограничений. Шёлк сразу не давай — спустя время, под благовидным предлогом. — Подумала, добавила:

— К евнухам — Фэн Шиляна пошли. Со служанками — сама, госпожа Сун, разберись.

Когда Сун Фою и Фэн Шилян ушли, накатила усталость неодолимая. Велела воды принести, сама обтерлась и обнаружила на теле синяки да следы — всё, что А-Хуань днём наставила.

Мне даже жаль стало, если эти отметины исчезнут. Обтиралась осторожно, их обходя. Кое-как управилась, повалилась на постель. Мысли вихрем носились, путались. Но усталость была такая, что разбираться не стало сил — так и провалилась в сон со всей этой кашей в голове. К утру мысли сами по себе улеглись, да так, что я рано проснулась и тут же велела:

— Узнайте, будет ли сегодня Цуй Мин-дэ? Если будет — скажите, дело есть, пусть после полудня зайдёт.

Умылась, причесалась, нарядилась — и к А-Хуань. Как раз служанки завтрак несли. Приподняла крышку сундучка — внутри лёгкие каши да закуски, штук двадцать разных видов. Немного успокоилась.

Она была совсем без сил. Полчашки каши выпила, да пару слов со мной перемолвила — уже глаза закрывает. Знаю, последние дни спала плохо — вышла, пусть отдыхает.

<http://bllate.org/book/16278/1466773>